

КЛИРОС СЕГОДНЯ: СУЖДЕНИЕ БОГОСЛОВА

Имя А.И.Осипова, заслуженного профессора Московской духовной академии, доктора богословия, известно сегодня широким кругам не только православных читателей, но всем сколько-нибудь интересующимся вопросами духовной стороны человеческого бытия.

Специфика нашего журнала, казалось бы, не имеет прямого отношения к богословским дисциплинам, суть которых является основой большего числа лекций и выступлений профессора. Тем не менее, Алексей Ильич любезно согласился поделиться с читателями «Регентского дела» своими мыслями относительно богослужебного пения и связанных с ним вопросов. Думается, что мнение столь высокого церковного авторитета об одной из важнейших составляющих православного богослужения будет весьма интересно тем, кто по долгу своего служения имеет непосредственное отношение к клиросному музыкальному исполнительству.

– А.И., каким должно быть, по Вашему мнению, образцовое богослужебное пение?

– Есть некоторые принципы, которые, по-моему, должны быть основополагающими в вопросах церковного пения. Первый из них, о котором хочется сказать и который особенно отвечает сути дела – это **аскетичность** пения. В чем он заключается?

Прежде всего, в сдержанности как в *fortissimo*, так и в *pianissimo*. Исполнители должны максимально избегать того, что может создать впечатление искусственности, избегать резких переходов в силе звука. Ведь, и *pp*, и *ff* – это уже какая-то игра, которая недопустима в богослужении и противоестественна молитве, благоговейному обращению к Богу.

Так, «громоподобные» всплески звука, если и могут быть как-то оправданы, то лишь в качестве редчайшего исключения в отдельных торжественных богослужениях. Например, на св. Пасху, когда радостный, ликующий характер всей атмосферы в храме настолько велик, что трудно бывает контролировать эмоции. Хотя и здесь мы немало исказили и уподобились во многом американцам, которые, чтобы показать радость, обязательно зубы показывают, иначе их счастьем никто не поверит. Но ведь действительная радость, в отличие от рекламной фальшивки, никогда не выражается подобными гримасами, она как айсберг, девять десятых которого под водой. Она светла изнутри, и эта ее сдержанность ощущается сильнее любых внешних эффектов. Так и церковное пение. Оно должно выражать радость празднуемого события не криком, не силой звучания, а особым характером пения, передающим внутреннее торжество *con grasia*, пробуждая солнечную тишину сердца. Мы же очень часто, находясь в Церкви, оказываемся людьми мирскими, и с выражением радости праздника переходим все разумные грани.

Вообще считаю, что *fortissimo* как крайний звуковой нюанс должно быть изгнано из под сводов храма. Нельзя кричать на Бога. Ну, а на архиерея – если позволит.

Второй принцип – это **бесстрастие** певческого процесса. Оно предполагает наблюдение за тем, чтобы всячески избегать сентиментальности, слащавости, елейности в пении, соблазна произвести эффект, увлечь предстоящих красотой звучания, пытаться произвести воздействие на чувства людей. Такое воздействие свт. Игнатий Брянчанинов называет «**кровяным**», поскольку оно возбуждает кровь и нервы, оставляя, однако, душу без молитвы и покаяния.

Третье, о чем хотелось бы сказать, это о самом фундаменте церковного пения – **благоговении**, которое является критерием в оценке церковного хора. Благоговение не позволит ему ни кричать, ни замирать, оно создает атмосферу мира, спокойствия, уравновешенности и отсутствия той страстности, которая отличает, как мы говорим, «итальянское» пение в церкви. Благоговение порождает то умиротворение души, которое каждый, наверное, переживал во время хорошего церковного пения, ибо только в мире души и возможна молитва. Благоговение в то же время требует вразумительной и бесстрастной подачи смысла текста и такого его воспроизведения, которое способствует молитве человека. Это возможно только тогда, когда Богослужбное пение является не игрой перед Богом, а трезвенным и благоговейным, как и любая правильная молитва. Есть некий предел в музыкальном самовыражении. И когда дело доходит до музыкальных фокусов, тогда жди беды!

Кстати, наше обиходное пение хорошо отвечает этим нормам. В нем нет ни вскриков, ни «умираний», оно достаточно спокойное и умиротворенное.

– **Литургическая эстетика, оперирующая представлениями звука, цвета, формы, может ли быть отнесена к понятиям духовного порядка?**

– Сама по себе она, конечно, не относится к этой категории, но является тем мощным фактором, который в зависимости от своего характера или способствует созиданию в душе духовной настроенности или, напротив, разрушает ее.

В частности, храмовое пение обладает наибольшей силой воздействия на молящихся. И на регенте лежит огромная моральная ответственность за духовное состояние верующих во время богослужения. Ибо он может и полностью отвлечь их от молитвы, увлечь какой-то страстной, эмоциональной музыкой или расстроить бездарной, но может совершать и большое дело, создавая атмосферу, способствующую рождению в душах чувства мира, покаяния, молитвы.

Сюда можно отнести и форму (архитектуру – храмовое пространство, внутреннее и внешнее) и цветовой ряд – священные изображения (иконы). Одним словом, как возможно **Умозрение в красках** (так назвал свою интересную работу наш замечательный русский философ Е. Трубецкой), или **Богословие иконы** (прекрасный труд Л.А. Успенского), так же возможно и Умозрение в звуках. Эту тему следовало бы столь же основательно осмыслить в духе святоотеческого предания, а не по современным рок-вкусам. Такая работа – «**Умозрение в звуках**» – была бы одной из особо насущных для настоящего времени, когда идет борьба за спасение православия в такой тонкой и не всегда

для всех понятной сфере нашей христианской жизни как область певческой литургической эстетики.

– Зачем, как Вам кажется, со дня своего основания Церковь привлекла организованную музыкально-певческую стихию к участию в богослужении, сознавая ее страстный, эмоциональный характер?

– Сама идея здесь какова? Потребность в пении, в музыкальном самовыражении себя и сопереживании другим, присутствует в самой природе человека. Поэтому уже апостол призывает: **радоваться с радующимися, и плакать с плачущими** (Римл. 12:15). Сама по себе такая потребность не включает в себе элемента греховной страстности. Страстность начинается там, где человек переходит границы выражения своих чувств. Здесь та же закономерность, что и в потребности человека в пище, питье, даже в вине: можно питаться, а можно объедаться; можно выпить, а можно напиться. Так и в пении.

Это всё то, что относится к принципу аскетизма, о котором мы говорили в самом начале. Поэтому пение нельзя рассматривать как проявление обязательно греховной страстности и которую будто бы святые отцы ввели в церковный обиход. Ничего подобного! Пение порождено другим. Апостол Иаков писал: **«Весел ли кто, пусть поет псалмы»** (Иак. 5,13).

Оно и у нас было другим до тех пор, пока в силу исторических причин не пришла «итальянщина» и в богослужение проникли светские музыкальные формы концертности и оперного сольного пения – «пиесы», – как говорила регент (монахиня, между прочим), у которой в хоре я пел в юности. Бывало, поем «Херувимскую», ошибемся и слышим гневное: «Какую пиесу испортили!» Вот так изменилось понимание церковного пения даже, как кажется, у вполне церковных людей.

С «пиес» и началась деградация церковного пения.

– Каково Ваше отношение к древнему знаменному пению, насколько оно уместно на нынешнем клиросе?

– Это сложный, требующий специальных знаний вопрос, вокруг которого происходит много споров. Здесь многое зависит от того, кто, как, зачем и когда обращается к теме знаменного распева. Конечно, очень многое зависит от исполнителей. Унисон, пропетый слаженно, монолитно, часто производит неизгладимое впечатление. Но бывает, что трудно слушать! Иногда приходится слышать исполнение очень удачных обработок и гармонизаций, когда из собственно унисона вдруг является звучание в удвоении и утроении голосов, вплоть до полнозвучного хорового аккорда и все это в контексте знаменного распева. Это звучит прекрасно и уместно!

Затрудняюсь сказать, от чего зависят все эти разные впечатления: от исполнителей или от того, какой это напев, или от собственного состояния. Знаменный распев очень в этом отношении неоднозначен. Современному

человеку порой бывает трудно перестроиться на непривычный строй, ритм и темп исполнения. Не всегда представляется возможным войти в эту «новую» стихию, и тогда происходящее становится для него скучным и тягостным. Но в своей глубинной сути знаменный распев, и унисон в том числе, весьма способствует молитвенному настрою человека.

– Большая часть исполняемых сегодня знаменных напевов не являются таковыми, какими они звучали пять столетий назад. Разве только палеографы с определенной долей ясности могут представить себе, как звучали тогда эти песнопения.

То, что нынче предлагается молящимся как знаменный распев, не всегда таковым является: либо это авторские обработки известных церковных композиторов, либо – интерпретации этой музыки регентами-практиками. Как Вам кажется, не заблуждаемся ли мы, современники, относительно подлинной ценности этого духовно-музыкального феномена и можем ли адекватно его воспринять: ведь слуховой «багаж» нынешних прихожан формировался под влиянием музыки гармонического склада?

– Говорить о том, чего мы не знаем, невозможно. Но есть какое-то неосознанное тяготение к старине, и оно всегда привлекает внимание потомков. Само слово «старинный» имеет для людей часто прямо-таки магический смысл. Мы все стремимся постичь давно ушедшие события и явления. И нередко свои предположительные конструкции выдаем за саму истину. Мы иногда чрезмерно увлекаемся, ищем чего-то необычного, экзотики, если хотите. И когда в самом старинном пении ищем, порой неосознанно, именно чего-либо новенького – то, чего сейчас нет или редко встречается – тогда это печально.

Но, думаю, мы должны ориентироваться не на восстановление старинного пения самого по себе, а на достижение изначальной цели церковного пения. Не уверен, что пение в 16-17 веках всегда соответствовало своему назначению, и что, например, пение обиходное необходимо полностью заменить тем, что было, как кажется, пятьсот лет назад. Вся задача церковного пения заключается в том, чтобы помочь человеку молиться. Вот главное! И если цель достигается, то не столь важно, какому веку принадлежит эта музыка. Пожалуйста, используйте и старые образцы напевов, которые известны и доступны, и не старинные, если они способствуют достижению этой цели. Все они тогда хороши! Ибо не старина или новизна должны быть критерием церковности пения, а его цель. Хотя, конечно же, та или иная музыка может в разной степени помогать верующему в молитве. Потому уместно вспомнить слова апостола Павла: **Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезда и звезда от звезды различия в славе** (1 Кор. 15,41).

Но очень часто особая притягательность старинного пения ощущается в том, что в нем больше молитвенного духа, помогающего обрести себя и Бога.

– Один из современных церковных композиторов считает, что альтернативой набившей многим оскомину итальянской манере письма может служить использование полифонических приемов изложения и

развития муз. материала, т.к. этот склад муз. письма несёт с собой строгость и сосредоточенность в противоположность традиционным гармоническим «сладостям», приятно ублажающих слух прихожан.

Некоторые регенты и певчие увидели в этом угрозу «нашему», «традиционно русскому» пению, в частности, тому же знаменному распеву, поскольку полифония в их сознании неразрывна с католичеством и протестантизмом. Как Вы думаете, действительно ли привлечение полифонии как альтернативы «итальянской» манере так пагубно для православного сознания?

– Я не думаю, что сама по себе полифония должна вызывать столь однозначно отрицательную реакцию. Другое дело, если этот стиль изложения духовной музыки превращается в игру звуками. Здесь – соблазн для автора увлечься конструктивной стороной дела, заняться мирским сочинительством и превратить богослужбное пение в нецерковную музыкальную развлекаловку, т.е. забыть о главной цели церковной музыки – быть деликатной слугой и помощницей в донесении смысла и духа священных текстов до сознания верующих.

Конечно, чтобы иметь суждение об этом, нужно послушать, насколько столь не типичную для нашей Церкви музыку удалось примирить со словом. Но, с другой стороны, ясно, что нет такой доброй вещи, которую нельзя было бы испортить. Или иначе сказать: нет такой доброй вещи, которая со словом «много» не превратилась бы в свою противоположность. Так и здесь: и полифония, и одnogолосное пение могут быть очень разными. Мне кажется, что всегда нужно помнить – зачем, для чего мы поем? Ведь речь идет о богослужении, а не о концерте во время очередного мероприятия под названием «богослужение».

– А.И., в одной из своих лекций Вы как-то сравнили пение в каком-то монастыре с рок-концертом. Что побудило Вас дать ему такую оценку?

– Действительно, как-то после Литургии одному регенту я сказал: «Спасибо Вам за блестящий рок-концерт под названием «Божественная Литургия»! Такую оценку у меня вызвало, с одной стороны, технически безупречное звучание хора, но, с другой – не просто fortissimo, а непрерывные «вопли бесчинные» до визга и рева (хор – смешанный – в мужском монастыре!). Было ощущение, что присутствуешь, действительно, на каком-то рок-концерте, но никак не за Литургией.

Ведь и forte может звучать ярко, мягко и хорошо. В церковном пении все должно быть естественным, переходы между частями плавными, а не резкими скачками - так, что сразу после piano выстрел fortissimo, как из пушки. Разве можно делать такие безобразные контрасты, стоя перед Богом?!

Очень важно также соотношение силы звука и с размерами храма. Но и этого подчас не учитывают. Для некоторых совершенно безразлично, соборный ли это храм или сельская церквушка: будут кричать и кричать. Очевидно, что

хор или брошен регентом на самопроизвольное пение, или у регента отсутствует ощущение Бога, перед лицом Которого поет его хор. Вот и получается в результате рок-концерт или, как раньше говорили, солдатчина! Такое «церковное» пение можно встретить в некоторых духовных школах – но ни за что не скажу в каких. Беда, когда у регента нет способности к управлению хором и не только религиозного чувства, но даже элементарного эстетического – а настоятелю всё равно. Ведь, с какой «наукой» выйдут тогда из школы будущие священнослужители!

Всё это происходит потому, что нет осознания того, что совершается. Нет чувства Бога, какое-то безразличие к Нему, и полное отсутствие церковно-музыкального вкуса. Иногда, конечно, сказывается дурная школа, но главное – это отсутствие молитвы (хотя бы регентом и был священнослужитель и монах). Люди внешнецерковные часто совсем забывают о том, что идет **богослужение**, а не концертное мероприятие. Пение в храме – это не развлечение для присутствующих, а молитва, ответ верующего сердца Богу, и потому хор должен создавать атмосферу смирения и благоговения – единственно приемлемые Богом человеческие чувства, соответствующие предстоянию человека пред Богом!

Наиболее предпочтительны поэтому, как мне кажется, гармонизации северных монастырских напевов – спокойных, уравновешенных, где музыка не посягает на текст.

– В наши дни эклектизм (смешение стилей) клиросного репертуара очень велик. Что делать с этим привычным уже явлением? Не вводить же, в самом деле, духовно-музыкальную цензуру?

– Прежде всего: да разве можно сейчас говорить о какой-либо цензуре? Это мечта неосуществимая, ибо наш хозяин, которого мы боимся больше самого Господа Бога, – Запад, так на нас цикнет за нарушение прав человека бесчинствовать, что мы места себе не найдем. В отношении же любой отдельной службы, мне представляется, что все должно быть выдержано в одном духе.

Сильные стилевые контрасты нежелательны. Они неестественны и вызывают однозначно негативный эмоциональный протест, лишаящий верующих молитвенного сосредоточения и разрушающий сам строй богослужения. Силь и манера исполнения за одним конкретным богослужением должны соответствовать друг другу. В этом случае всё будет звучать естественно.

Ещё раз хочется подчеркнуть, что правильно организованное церковное пение всегда создает ощущение естественности. У стоящих в храме не возникает чувства какого-то нарушения музыкального лада, что, конечно же, важно для молитвы. Когда же в пении начинает проявляться искусственность, то, естественно, возникает психологическое препятствие в духовной связи верующего с Богом.

– Руководство пением за богослужениями в наши дни практически перешло в женские руки. Как к этому относиться?

– К этому нужно относиться как к свершившемуся факту, как к реальности нашей церковной жизни, и принять его. Сейчас создание мужского хора, не только дорогостоящее предприятие, но в условиях приходской жизни и маловероятное по причине, как малого числа мужчин, желающих посвятить себя этому делу, так и оскудения среди них певческих талантов. К тому же мужчины, в основном, менее ревностны к вере, чем женщины, а в нынешних условиях, чтобы заработать на жизнь, мужчины большей частью не могут придти в церковный хор на нищенскую зарплату и, как правило, выбирают другое, в основном эстрадное приложение своим вокальным способностям.

Но «свято место не бывает пусто», и я не вижу худого в женском руководстве хором, тем более, что сама действительность диктует это.

– Насколько, по-Вашему, необходимо музыкальное образование духовенства?

– Мне кажется, основы такого образования священник обязательно должен получать. Когда музыкальная сторона богослужения для него закрытая книга – это печально. Достойно сожаления, если священник не придает никакого значения тому, как и что поет хор, что творится у него на клиросе. Это явление ненормальное.

В церковной жизни должна быть полная гармония между совершающимися в алтаре священнодействиями и клиросом. Это не две автономные инстанции, не два ведомства, занимающиеся каждое своими обязанностями и каждому из которых нет дела до другого. Если священнику и клиру не безразлична духовная сторона жизни прихода (встречается ведь, когда богослужение рассматривается как вынужденная необходимость, а не как потребность души и долг перед Богом), то они не могут не обсуждать, что и как поется. Их содружество было бы крайне необходимо сделать обязательной практикой общей подготовки всех участников служения к его достойному совершению.

Кстати, если священник молится за богослужением, то, конечно же, он хочет, чтобы молилась и вся его паства, а потому не может не говорить о пении (правда, не дай Бог, если священник окажется рок-музыкантом, рок-батюшкой, тогда ясно, какой молитвенности он будет требовать). И в случае помехи он, конечно же, нравственно обязан исправить положение. Если хотите, это одна из важных сторон его пастырского служения. Что же это за пастух, которому нет дела до того, что делает со стадом его подпасок?

– Каково Ваше отношение к тому, что некоторые музыкально образованные иерархи нашей Церкви сочиняют иногда паралитургические произведения на канонические тексты, предназначенные для концертного исполнения. К тому же, в нетрадиционных для Православия жанрах – Страсти, Литургия на основе западных церковных ладов.

– Когда священнослужителем создается музыка концертная, то мне лично это трудно принять. Использование богослужебных текстов для концертно-развлекательных целей является прямым знаком потери религиозного благоговения. На христианском Западе такой подход к священным текстам, как и использование для этих целей храма, стал уже давным-давно, с 15-16 веков, традицией – вопреки прямым словам Писания: **дом Мой домом молитвы наречется** (Лк., 19:46). Печально, если и мы пойдем по тому же пути. Это будет очевидным свидетельством обмирщения сознания церковных людей, священнослужителей и, следовательно, самой Поместной Церкви. Но посмотрите, что сейчас делается на т.н. фестивалях (даже слово-то иностранное взяли) церковной музыки и поймете, куда мы идем.

Одной из причин такого сползания является то, что в наши дни коренным образом изменилось понимание монашества. Изначально, по самой своей идее, оно есть отречение, насколько это возможно, от всех связей с «миром» ради основного своего занятия – «умного делания», то есть молитвы. Но такое делание очень не простое, и мы видим, как постепенно происходит подмена монашества и из делания сугубо внутреннего, оно становится всё более на путь деятельности внешней, мирской при сохранении, конечно, формы. Теперь монашество включается во все сферы мирской деятельности, во все сферы культуры вплоть до участия в рок-концертах – по образу и подобию католическому. Совсем забываем, что жизнь мирская и монашеская – вещи взаимоисключающие. И поскольку дух творит себе формы, то от нового духа можем ждать и таких новых форм, что за ними и православия не найдешь.

Однако если священнослужитель пишет богослужебную музыку в соответствии с ее молитвенным назначением, то такое творчество можно только приветствовать, особенно, если эти сочинения талантливы. Музыкальная ткань в этом случае может быть так приспособлена к богослужебному процессу, что и совершитель Таинства, предстоя перед престолом Божиим, и прочие верующие смогут, не отвлекаясь музыкальной сутью сочинения, отдаться нерассеянной молитве. Недавно, например, я прослушал написанную епископом Иларионом (Алфеевым) Литургию. Она произвела на меня очень положительное впечатление. Надо отметить и прекрасное ее исполнение небольшим, но с хорошими голосами и профессионально подготовленным хором храма Третьяковской галереи.

– А.И., Ваш взгляд на запричастное пение.

– Если говорить о так называемых концертах в этот момент, то их в подавляющем большинстве случаев наиболее точно можно было бы охарактеризовать как явление откровенно антирелигиозное. Религия даже этимологически означает связь с Богом, это соответствует и сущностному ее пониманию. Связь же с Богом, как известно, осуществляется только через внимательную, нерассеянную молитву. А теперь посмотрите, «Святая святым» – причащаются священнослужители, наступили последние минуты перед

причащением для мирян, как важно в эти минуты ничем не отвлечь их от молитвы. И вдруг – концерт! Пожалуй, более лукаво-«благочестивого» средства помешать человеку сосредоточиться, ещё и ещё раз вспомнить о своих грехах, покаяться и со смирением и благоговением приступить к святой Чаше – не придумать! И это откровенно противохристианское явление стало чуть ли не обязательным элементом Литургии (особенно где хор побольше, получше). Так изнутри разрушается самое важное в религии – молитва, следовательно, и сама Церковь (особенно, если вспомнить другое безобразие во время богослужения - фотографирование с его вспышками, беготней, суетой в «**доме молитвы**»!).

В качестве иллюстрации, в связи с этим, приведу оценку П.И. Чайковским одного из Запричастных концертов. Вот что он писал ректору Киевской духовной академии по поводу пения хора Братского монастыря: *«Вас, вероятно, удивит, Ваше Преосвященство, что пение это, славящееся в Киеве как необыкновенно прекрасное, меня раздражает, огорчает, даже ужасает... Но когда закрылись царские врата, и певчие поспешно, на один аккорд, пропели “Хвалите Господа с небес”, как бы слагая с себя тяжкую обузу хвалить Господа, ввиду своего долга угостить публику концертной музыкой, и стали, собравшись с силами, исполнять бездарно-пошло сочиненный, преисполненный неприличных для храма вокальных фокусов, построенный на чужой лад, длинный, бессмысленный, безобразный концерт, я чувствовал прилив негодования, которое, чем дальше пели, тем больше росло. То гаркнет диким ревушим рыканием бас-соло, то завизжит одинокий дискант, то прозвучит обрывок фразы из какого-то итальянского трепака, то неестественно сладко раздастся оперный любовный мотив в самой грубой, голой, плоской гармонизации, то весь хор замрет на преувеличенно тонком пианиссимо, то заревет, завизжит во всю глотку... О, Господи, и когда же, в какую минуту происходит эта музыкальная оргия? Как раз в то время, когда совершается главный акт всего священнодействия, когда Ваше Преосвященство и сослужители Ваши приобщаетесь Тела и Крови Христовой...»*. Эта оценка не потеряла, к сожалению, своей актуальности и в наше время.

Такой молитвенник, как митрополит Вениамин (Федченков), считает, что во время Запричастного (когда есть причастники) нужно только читать молитвы перед причащением. Если же речь идет об исполнении уставного причастного стиха, то он должен быть простым, строгим, без каких-либо фокусов и «пиес».

Благодарю Вас, уважаемый Алексей Ильич, что нашли возможность поделиться с читателями нашего журнала своими взглядами относительно богослужебного пения.

(Спрашивал и записал беседу ред. «РД» Александр Лебедев)